

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ:
СИСТЕМНО-ОПИСАТЕЛЬНЫЙ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник научных трудов
IX Международной научной конференции

Брест, 22–23 ноября 2019 года

В двух частях

Часть 1

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2020

УДК 811.16(082)

ББК 80я43

С 47

*Рекомендовано редакционно-издательским советом Учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»*

Редакционная коллегия:

О. Б. Переход, О. А. Фелькина

Под общей редакцией

заведующего кафедрой общего и русского языкознания
кандидата филологических наук, доцента **О. Б. Переход**

Рецензенты:

заведующий кафедрой белорусского и русского языков
УО «Брестский государственный технический университет»,
кандидат филологических наук, доцент **Н. Н. Борсук**

декан филологического факультета
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
кандидат филологических наук, доцент **Т. В. Сенькевич**

С 47 **Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования** : сб. науч. тр. IX Междунар. науч. конф., Брест, 22–23 нояб. 2019 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. Б. Переход, О. А. Фелькина ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2020. – Ч. 1. – 202 с.

ISBN 978-985-22-0117-9 (ч. 1).

ISBN 978-985-22-0116-2.

В сборник вошли материалы докладов IX Международной научной конференции (22–23 ноября 2019 г.), посвященной изучению славянских языков в синхроническом, диахроническом, сопоставительном и социокультурном аспектах. Статьи представлены на русском, белорусском, украинском языках.

Адресуется широкому кругу славистов – научным работникам, преподавателям, аспирантам, учителям, студентам филологических специальностей.

УДК 811.16(082)

ББК 80я43

ISBN 978-985-22-0117-9 (ч. 1)
ISBN 978-985-22-0116-2

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2020

ў гэтых апісанні паэтка ўключае і вобраз каліны як дрэва, што яркімі плямамі чырваніць на яе радзіме: *Ой, пры каліне чырванашчокай / Ды пры даліне зялёнай – сяло. / Знаю, ні ў якой старонцы далёкай: / Тут мне якраз нарадзіцца было!* (Ой, пры каліне чырванашчокай... [5, с. 218]); *Кашульку адбяліла, / І ягады зырчаць / Чырвонае каліны... / І маме трыццаць пяць* (Кашульку адбяліла... [6, с. 172]); менавіта “калінавым і шыпшынным” яна называе свой край: *Калінавы, шыпшынны / Мой край ад зор азяблы...* (Слова [5, с. 33]).

Народныя традыцыі ў перадачы вобраза каліны як “надмагільнага дрэва, дрэва смерці” праявіліся ў наступных радках: *Маіх гадкоў пылок і малацьба! / Але адчую, запынiўшы крылле, / Чаму ля хаты журыцца вярба, / Адкуль гарыць каліна на магіле* (у цішыні зажураных алей... [5, с. 124]). Гэты матыў хуткага расстання з жыццём, смерці гучыць і ў вершы “Маладосць”: *Маладосць, давай жа развітаемся / у пару аснежаных калін... / Толькі так жыву і так трымаюся, / Каб мяне шчаслівай помніў сын* (Маладосць [2, с. 171]).

Такім чынам, яркая вобразнасць і адначасова кантраснасць, здольнасць перадаваць разнастайныя пачуцці, ствараць шматгранныя вобразы, арыентуючыся на народныя традыцыі, – адметная рыса паэтычнага слова Я. Янішчыц.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Бельскі, А. І. Яўгенія Янішчыц А. І. Бельскі // Класікі і сучаснікі ў школе : дапам. для настаўнікаў / А. І. Бельскі. – Мінск : Аверсэв, 2005. – 350 с.
2. Янішчыц, Я. Каліна зімы : кн. лірыкі / Я. Янішчыц. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 206 с.
3. Усачёва, В. В. Калина / В. В. Усачёва // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1999. – Т. 2 : Д – К (Крошки). – С. 446–448.
4. Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. / С. Санько [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2004. – 592 с.
5. Янішчыц, Я. Выбранае / Я. Янішчыц ; уклад. А. Канапелькі і В. Коўтун ; прадм. Д. Бугаёва. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 351 с.
6. Янішчыц, Я. Пачынаецца ўсё з любові... : вершы, паэмы / Я. Янішчыц. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 339 с.

С. А. Королевич (г. Брест, Республика Беларусь)

ПАРЕМИКОН ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: КОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В центре внимания современной науки о языке находится его функционирование, а следовательно – человек говорящий, языковая личность. В связи с этим появилось новое самостоятельное направление языкозна-

ния – лингвоперсонология, предметом изучения которой выступает субъект и его языковые проявления. Теоретические основы лингвоперсонологии начали закладываться только в последние десятилетия [1], но осознание того, что проявление личности неотделимо от ее языка, уже в 80-е гг. XX в. привело к созданию учения о языковой личности. Согласно ему, человек говорящий – это языковая личность с многоуровневой структурой, в которой соединяются собственно языковые данные (вербально-семантический уровень языковой личности); знания о мире (когнитивный уровень); цели, мотивы, намерения личности (прагматический уровень).

На рубеже тысячелетий активно изучались элитарные языковые личности – писатели и поэты, так как созданные ими тексты в наибольшей мере способствовали получению «выводных знаний» о выдающихся мастерах слова. Однако характеризоваться как языковая личность может каждый носитель языка. В лингвоперсонологии третьего тысячелетия заметным стал интерес к диалектной языковой личности. В процессе изучения такой личности возможна реконструкция модели мира, свойственной жителям данной местности, могут быть описаны региональные варианты материальной и духовной культуры, созданы словари диалектной языковой личности, речевые портреты информантов, рассмотрены особенности использования языковых единиц разных уровней и т. п.

Несомненного внимания, на наш взгляд, заслуживает изучение паремикона диалектной языковой личности, информативное для характеристики ее когнитивного и мотивационного уровней. Паремиями обычно называют «афоризмы народного происхождения, характеризующиеся лаконичностью формы, воспроизводимостью значения и имеющие, как правило, назидательный смысл» [2, с. 242], однако к ним относят и другие устойчивые речевые формы: загадки, пожелания, формулы проклятий и т. п. Хотя паремические тексты анонимны, для характеристики отдельной диалектной языковой личности показателен их состав и использование.

Рассмотрим индивидуальный паремический запас информанта Л. Н. – жительницы д. Вулька Лавская Пинского района Брестской области. Портрет конкретной диалектной языковой личности предполагает учет определяющих ее речевую деятельность экстралингвистических характеристик – гендерных, возрастных, психологических, профессиональных. Л. Н. родилась в 1929 г. и до 1957 г. жила на хуторе Малевицкий, расположенном в 5 км от Вульки Лавской. Становление языковой личности информанта происходило сначала под влиянием родителей, уроженцев деревень Месятичи и Шоломичи Пинского района, где локализованы

юго-восточные говоры западнополесской группы; затем – в окружении жителей окрестных хуторов, где сосуществовали западнополесские говоры и диалекты польского языка. На протяжении последующих 62 лет Л. Н. жила среди носителей традиционного говора д. Вулька Лавская, сложного в генетическом плане и в структурном отношении. «Субстрат» говора образовывал один из польских диалектов, позже осложнившийся говором переселенцев из окрестных деревень, относящимся к северно-логишинским [3, с. 11]. Местный говор именовался воленским, от польск. *wolenie*, называющего жителей деревни и образованного от ее названия – *Wólka*.

Л. Н. работала в колхозе, затем в лесхозе, в юности специально училась шить у мастерицы из соседнего села и позже стала деревенской портнихой. Имела независимый характер, была даже несколько высокомерной, поскольку принадлежала к семье потомственного дворянина; ее старший брат и младшие сестры работали учителями. Вместе с мужем Л. Н. воспитала четверых детей, занявших достойное место в жизни, гордилась этим, пользовалась уважением односельчан и любила поучать окружающих. Естественно, что в ее речи широко использовались паремии разного вида.

Включенное наблюдение за Л. Н. как языковой личностью проводилось на протяжении двух последних десятилетий. Однако ее паремикон складывался на протяжении всей жизни (Л. Н. скончалась на 91-м году) и содержал в себе единицы разного времени из разных языков. Как и все полешуки, Л. Н. относилась к стойким традиционалистам и пользовалась в повседневном общении говором, усвоенным в родительском доме. Война помешала Л. Н. получить законченное образование, но несколько лет она училась в хуторской школе на дому, где преподавали приходящие учителя, а с третьего по шестой класс включительно посещала Логишинскую школу, где была среди лучших. Обладая гибким умом и хорошей памятью, Л. Н. легко впитывала информацию, в зависимости от речевой ситуации могла перестроиться с местного говора на почти правильный русский язык, свободно читала на русском, польском и церковнославянском языках. В результате этого, а также из-за смешения в воленском диалекте разных говоров ее паремикон был необычайно пестрым в этимологическом плане. Он включал местные, полесские паремии, известные белорусскому языку (*Шчо з воза ўпало, тое пропало*; *Шчо ўбиў, то ўйи^е хаў*; *Гультай за ди^ело – мазоль за ти^ело*; *Шчо дорого, то милэ, шчо дёшэво, то гнилэ*); часто польские (*Бяло не бяло, абы воду видзяло* – о небрежной стирке; *Цо задужо, то не здорова* – о необходимости соблюдать меру; *Боли глуўка – паньска вымуўка* – о том, что ссылаться на головную боль свойственно господам; *На козаку нема знаку* – о том, почему внебрачная связь для мужчин не является позором; *Пшышла коза до воза*; *Вымениў быка на*

инды́ка; Обещанки – цацанки, а дурнэму радосць и др.); реже русские (На ўкус и на цвет товарышча нет; Дуракам закон не писан; На чужсы роток не накинеш платок; Баш на баш).

Главной функцией паремий в говоре деревни была оценочная, потому что важнейшим мерилom нравственных норм здесь считалась формула «Шчо люди скажуть». Л. Н., как и многие другие воленцы, прожила свою немалую жизнь именно с этим нравственным ориентиром. Это объясняет и активное использование паремий в ее речи, и их содержание.

В разных видах паремий, известных Л. Н., получали лаконичное, но емкое выражение знания о материальных предметах, социальных отношениях и духовных ценностях, актуальные для сельских жителей прошлого века. Для крестьянина основой его существования была работа на земле, поэтому память информанта сохранила старинные присловья, связанные с погодой и сельскохозяйственными работами: *Як на Громницы нап'ецца пивень водицы, то на Миколу найисца ву^ол травицы; у дурня – си^ена до Юр'я (6 мая), а у розумного – до Миколы (22 мая), то не бедуе николи*. Но в центре картины мира деревенского жителя всегда находился человек, и в паремиконе Л. Н. были закреплены выработанные в данной местности алгоритмы социального и межличностного взаимодействия, соответствующие местным традициям социально-поведенческие нормы.

В отношении к государству и к его представителям особого доверия у Л. Н., как и остальных колхозников, не было: *Закон як дышло: куды повернеш – туды и вышло; Не подмажэш – не пойидеш*. Бесправные сельчане осторожничали, предпочитая не иметь дела с вышестоящими лицами (*Не буди лихо, покуль онэ тихо; Моя хата с краю – ничего не знаю; Не руш чужого и не бу^ойса никого*); не доверяли окружающим, опасались доноительства (*Не тыч носа ў чужэе просо; Йиж тир^ог з грыбами, держы язык за зубами*) и презирали доносчиков (*Докашчыку – г...но ў яшчыку*). Примечательны глагольные формы в императиве (*не тыч, не руш, не бу^ойса, держы язык за зубами*), придающие пословицам характер общественного запрета или предписания. Такое отношение к властям было небезосновательным: только война в 1941 г. помешала высылке семьи трудолюбивых родителей Л. Н. в Сибирь; во время оккупации хуторян грабили не только немцы, но и местные мародеры под видом партизан; в 50-е годы государство оплачивало тяжкий труд колхозников только «палочками»-трудоднями; хорошо в деревне жили только те, кто был близок к власти: бригадир, звеньевая, «учетчик», полевой сторож и т. п. В адрес власть имущих сельчане с давних пор высказывались с определенной долей ехидства, хотя тихо им завидовали. Такие высказывания Л. Н. тоже припоминала: *Богатому чорт и ў кашу валить, а би^едному – и ў полиўку лье; Богатому заўшэ свято*. Колхозники же

полагались лишь на свой труд и старались работать не только на государство, но и на себя. Поэтому в речи Л. Н. позитивно оценивается трудолюбие, предприимчивость: *Хто рано ўстае, тому Бу^ог дае; Хто дбае, той и мае*; лень и беззаботность клеймились позором: *Бали да гули ў лапты обули; Под лежачы камень вода не течэ*; люди без выраженной цели квалифицируются пренебрежительно: *Ни соби ни людям; Ани Богу, ани людям; Ни шлык ни коўпак*; презрительно обозначены быстрое охлаждение к работе (*Одпáли кульбаки од с...ки*); нерадивость хозяйки (*Ну й господыня: тры городы, одна дыня*); неумелость портнихи (*Наша Сёра/Сора то шые, то порэ* и др.).

С помощью паремий Л. Н. оценивала житейские проблемы односельчан (*Не мяла баба клопоту, то купила порося*); семейные коллизии (*Бачыли очы, шчо купляли, а тепэр плачце, хоч невылазьце* – о несчастливом супружестве); поступки соседей (*Шчось у ли^еси^е здохло* – о неожиданном поступке); ситуации (*з великой хмары малы дошч* – о несоответствии результата ожиданиям; *Була ў попа собака* – о повторении ситуации; *Як не понос, то золотуха* – о непрекращающихся проблемах); характер человека (*Тыха вода грэблю рвэ*); внешность (*Баба як жаба; Хлопец як лялька*), состояние (*П'яны як бэля*); родственные связи (*Ни сват ни брат; трэйти ру^од / помыйный ру^од*) и др. С помощью паремий, как правило, выражалось отношение к явлениям и ситуациям, значимым для каждого человека: к Богу (*Без Бога ни до порога*); к старости (*Старосьць не радосьць, а горб не корысьць; На покляклэ дерэво и козы скачуть*); к смерти (*Шчоб люди не ўмерали, то б небо подперали*) и др.

Таким образом, паремикон диалектной языковой личности не только характеризует информанта как носителя особого регионального говора, но и воплощает определенные знания личности о мире, приоритетные темы и прагматические установки. Если вести речь о когнитивных характеристиках паремикона языковой личности Л. Н., то он служит отражению концепта «Человек» в воленском говоре и характеризует отношения человека и государства, человека и его места в социуме, человека и его окружения.

Список использованной литературы

1. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул ; Кемерово : БГПУ, 2006. – 435 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учеб. пособие для бакалавр. уровня филол. образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
3. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся: Фанетычны нарыс / Ф. Д. Клімчук : АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 128 с.